

Елена Михайлик

«Окружающий мир на события скуп...»

* * *

Генри Морган встретил гигантских кальмаров в количестве,
равном пи,
Что при его профессии не должно вызывать вопросов,
Но дело было на перешейке, практически в голой степи,
А еще у них внизу крутились такие большие колеса...

Генри Морган сказал: «Какого Уэллса?» –
и ушел из сюжета прочь,
У него огород, капуста, кадастры и оплаченный отпуск
на две недели,
Но без него на перешейке стоит глухая полярная ночь,
А кальмары замерзли, ездят кругами и изрядно всем надоели.

Окружающий мир на события скуп,
его злые злодеи хотят покоя,
Его чудовища канут в суп, который не варят его герои,
Матрос Железняк посмотрел на Херсон и сбежал –
«Братишки, за что боролись?»
И автор, не в силах покинуть сон, над ними рыдает,
как Райс Берроуз.

А через месяц, устал и небрит – урожай, ремонт,
лесные пожары, –
Приходит Морган и говорит: «У тебя еще остались кальмары?»

* * *

Под слоем почвы – иной пейзаж:
Гранит, диорит, базальт, габбро.
Ты берешь его на карандаш,
Он тебя – на перо.

И неважно, каковы города,
Сколько месяцев до зари.
Ты давно уже альбит и слюда,
Там, в решетке, внутри.

Греются камни, растет трава,
Отступает граница льда.
Ты берешь его на слова,
Он тебя – навсегда.

* * *

Александр Андреич, товарищ Чацкий,
Нечувствительно попал в переплет.
По его квартире – пустой, холостяцкой,
Бродит перепуганный кот,
Повторяет хозяйскую траекторию,
Вяло препирается с окрестной зимой,
Но из тех, кто раньше ушел в историю,
Ни один не вернулся домой.

Александр Андреич сидит в теплушке,
Поезд идет в Уфу.
Придорожные елочные игрушки
Догорают в сыпном тифу.
Пулемет над озером глотку рвет,
И тот, кто ответственен за пейзаж,
Уже не помнит, кто здесь живет
И кто кому персонаж.

Александр Андреич говорит односложно,
И по картам выискивает тишину,
Вычисляя рубеж, на котором возможно
Закрепиться и остановить волну.
Он мог бы, наверное, иное значить,
Подчиниться горячечным ночным голосам.
Но автор убит, а город захвачен, –
И он теперь выбирает сам.

Сидней Нолан

По рыжей и фиолетовой марсианской траве
Скачет местный грабитель с ящиком на голове,
И следит за его движением головой на восток
Деловитая птица, прочищающая водосток.
За углом плоского дома барашек луну жует,
Сено, солома, створоженный небосвод
На краю рабочего пригорода, засухи на краю,
Что вижу – о том пою.

Виллс и Берк, эмаль, снаряжение, выходной,
Привокзальный верблюд, выездной сюжет.
Город Мельбурн остался у них за спиной,
На картине, там, где пространства нет.
А впереди растенья странны, сухие русла длинны,
И между ребер светит ландшафт вместившей тебя страны.
Птица находит мед и на землю льет –
Что видит, о том поет.

Желтый день, жара, прибоя сухой раскат,
Не в песке, но в небе рыбацьи лодки висят,
и Тигр, и Евфрат лежат под одной плитой,
А над этой грядой, перед косою чертой
Те, кто пока бессмертен, плятятся в аппарат,
Праздничный воздух пьют –
То видят, о чем поют.

* * *

Джек-потрошитель пришел в райком
И попросил путевку на целину –
Там, говорят, комбайны ходят гуськом,
Пиво не хуже, чем в Гамбурге иль Клину, –
Свищут казашки, приманивают луну.
Съезжу и отдохну.

Слушай, рабочий, что тебе целина?
Тут, вообще, не читал? Началась война,
Тут Ганнибал прошел походом вчера.
Слушай, райком закрыт, на дворе жара,
Лают лисицы на грустный Бирнамский лес –
Выпил бы да исчез?

Джек-потрошитель сказал – беда.
Я в дискретном пространстве дышу едва.
Где корабли, империи, города,
Как мне работать, товарищ райком, когда,
Нет ни ножа, ни тела, ни естества:
Всякая плоть – слова?

Джек-потрошитель выпил свои сто грамм
И переехал в Рио,
И счастлив там.

* * *

Непрочность, женщина, тебе названье,
Малина, женщина, тебе растенье,
Трава срастается с твоею тенью,
А тень шатается со всякой пьянью.

По переулочкам, по водостокам,
Гуляет озеро с твоей осокой,
Покуда летнее ночное время
Не станет шорохом, не выйдет сроком.

Рабочий пригород, предместье рая,
Щебенка серая, сырая глина,
Зато по улицам, смотри, какая,
Из каждой трещины растет малина.

«Земную жизнь пройдя...»

Мимо снежной корки, мимо плоти болотной,
Вдоль неровного края рва
Возвращается жалость к траве и животным,
Восстанавливаются слова.

Сочинить предложенье, в него проснуться –
В балке у сухой реки,
И понять: во Флоренцию можно вернуться,
Дожив до конца строки.

Такая строка, что замерзают чернила,
Такая политика, что рифмовать с чумой,
Такая любовь движет эти светила,
Что можно дойти в рай, но нельзя – домой.

Кроме любви дело идет к ночи,
Каменный мост прижался брюхом к реке.
И то, куда не дойти, меж орбит стрекочет
На подворотном безудержном говорке.

* * *

Что это за вода, Мария, что это за вода,
Почему она пришла, Мария, почему глядит на меня,
Ей нужно литься, стекать в океан, зачем висит за стеклом,
Переливается радугой на камнях?

Что это за вода, Мария, говорит вода,
Почему она стоит, Мария, когда я теку сюда,

